

DOI 10.15826/izv2.2022.24.4.072

УДК 821.161-1-13 Тарковский + 81'42 +
+ 94:323.329(470) + 329.14 + 2-67

А. А. Медведев

Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия

«ПОСОХ ИСАИИ»: КАТАКОМБНЫЙ ДИСКУРС В ПОЭЗИИ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО

В статье анализируется творчество А. Тарковского (1907–1989), для которого 1917 год стал переломным, определившим впоследствии его «внутреннюю эмиграцию». Важнейшей творческой миссией для Тарковского стало восстановление прерванной культурной традиции русского модернизма. Ахматова как его представитель выступает для Тарковского образцом творческого и этического поведения художника. Поэзия Тарковского 1930–1960-х гг. рассматривается с точки зрения катакомбного, тайного дискурса (кодирование, подтекст, второй план), выражающего через образы пустыни, песка, жары, закрытых глаз отчужденность от новой культуры и политики, стоическое противостояние забвению и стремление сохранить культурную память (Мандельштам, Цветаева), связывающую историю в единое целое. В ситуации культурной пустыни для Тарковского значимы такие ценности, как достоинство личности, христианское смирение и жизнь. В своей модели поэта Тарковский ориентируется на библейскую, первохристианскую традицию, в которой поэт предстает пророком, мессией, духовным предводителем народа (Исайя, Иоанн Креститель, Христос), акцентируя в ней не мистическую или обрядовую, а социальную этику, характерную для русской интеллигенции XIX в. с ее моральной бескомпромиссностью («прямые» пути). Важным контекстом для понимания катакомбного дискурса Тарковского и его образа поэта выступает рефлексия о народе и интеллигенции в «Записках об Анне Ахматовой» (1938–1966) Л. Чуковской. Полемицируя с народническим отрицанием интеллигенции в советский период, Ахматова и Чуковская выражают ключевые ценности русской интеллигенции XIX и начала XX в. (достоинство личности, свобода, этическая бескомпромиссность, критика этического релятивизма, правда и справедливость, пророческое служение, жертвенность, бедность). Поэтический дискурс Тарковского и его образ поэта-пророка также противостоят народническому упрощению, выражая ключевые ценности русской интеллигенции и сохраняя модернистскую сложность поэтики (открытость и причастность мировой культуре, интертекстуальность, неомифологизм, ассоциативность).

К л ю ч е в ы е с л о в а: Арсений Тарковский; катакомбный дискурс; внутренняя эмиграция; русская интеллигенция; народ; народничество; библейская традиция

Ц и т и р о в а н и е: Медведев А. А. «Посох Исайи»: катакомбный дискурс в поэзии Арсения Тарковского // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 4. С. 188–199. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.4.072>

Поступила в редакцию: 24.05.2022

Принята к печати: 21.10.2022

Aleksandr A. Medvedev

Tyumen State University
Tyumen, Russia

“THE STAFF OF ISAIAH”: CATACOMB DISCOURSE IN ARSENY TARKOVSKY’S POETRY

This article analyses the work of A. Tarkovsky (1907–1989), for whom 1917 became a turning point which subsequently determined his “internal emigration”. The most important creative mission for Tarkovsky was the restoration of the interrupted cultural tradition of Russian modernism. As its representative, Akhmatova is a model of the creative and ethical behaviour of the artist for Tarkovsky. Tarkovsky’s poetry from the 1930s–1960s is considered from the point of view of the catacomb secret discourse (coding, subtext, background). Through images of the desert, sand, heat, and closed eyes, it expresses alienation from new culture and politics, a stoic opposition to oblivion, and desire to preserve cultural memory (Mandelstam, Tsvetaeva) that binds history into a single whole. In the situation of a cultural desert, such values as an individual’s dignity, Christian humility, and life are significant for Tarkovsky. In his model of the poet, Tarkovsky focuses on the biblical and early Christian tradition, in which the poet appears as a prophet, messiah, spiritual leader of the people (Isaiah, John the Baptist, Christ), emphasising not mystical or ritual but social ethics, characteristic of the Russian intelligentsia of the nineteenth century, with its moral uncompromisingness (“straight” ways). An important context for understanding Tarkovsky’s catacomb discourse and his image of the poet is the reflection on the people and the intelligentsia in L. Chukovskaya’s *Notes on Anna Akhmatova* (1938–1966). Polemising with the Narodism rejection of the intelligentsia in the Soviet period, Akhmatova and Chukovskaya express the key values of the Russian intelligentsia of the nineteenth and early twentieth centuries (personal dignity, freedom, ethical uncompromisingness, criticism of ethical relativism, truth and justice, prophetic ministry, sacrifice, and poverty). Tarkovsky’s poetic discourse and his image of a prophet poet also oppose Narodism simplification expressing the core values of the Russian intelligentsia and preserving the modernist complexity of poetics (openness and involvement in world culture, intertextuality, neomythologism, and associativity).

Key words: Arseny Tarkovsky; catacomb discourse; internal emigration; Russian intelligentsia; people; Narodism; biblical tradition

For citation: Medvedev, A. A. (2022). “Posokh Isaii”: katakombnyi diskurs v poezii Arseniia Tarkovskogo [“The Staff of Isaiah”: Catacomb Discourse in Arseny Tarkovsky’s Poetry]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 24(4), 188–199. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.4.072>

Submitted: 24.05.2022

Accepted: 21.10.2022

К 115-летию Арсения Тарковского и Лидии Чуковской

А. Тарковский, родившийся в 1907 г., был представителем поколения, для которого 1917 год стал рубежным, переломным и во многом определившим судьбу этого поколения («внутренняя эмиграция»). Л. Миллер, дружившая с Тарковским, сразу почувствовала особость, «отдельность» поэта: «Он был человеком другого поколения. Он родился в 1907 году и всего 10 лет прожил до Октябрьской революции, и все-таки он был скроен иначе — как человек 19-го века. <...> Это был человек, живший на параллельных рельсах с этой системой. Он был отдельным человеком, частным лицом. Никогда не принимал участия в официальных празднествах. Это был великий пример. Он слушал музыку. Читал» [Миллер].

Важнейшей творческой миссией Тарковского как представителя младшего поколения стало восстановление прерванной 1917 г. культурной традиции русского модернизма — этим определялось его особое отношение к старшему поколению модернизма — к таким ключевым фигурам Серебряного века, как О. Мандельштам, А. Ахматова, М. Цветаева. Ахматова была для Тарковского образцом творческого и этического поведения художника. Их дружба продолжалась 20 лет, до смерти Ахматовой в 1966 г. В письме к Ахматовой от 28 марта 1964 г. Тарковский назвал себя «поздним учеником» Ахматовой: «и моя жизнь прошла под Вашей звездой, хотя я долго и не знал этого» [Тарковский, 2021, с. 410–411]. В письме от 4 июля 1963 г., написанном после прочтения «Реквиема», Тарковский признавался, что этот цикл — «громадное явление», подчеркивая религиозную природу гения Ахматовой: «Как много Вы значите для меня, если бы Вы только знали, и я уже почти не боюсь Вас, — уж я-то знаю, Чье Вы орудие» [Там же, с. 410]¹.

В силу цензурных причин Тарковский в своих стихах использует катакомбный, тайный дискурс (кодирование, подтекст, второй план) или, словами Ахматовой, «симпатические чернила». Так, в стихотворении «Мне было десять лет, когда песок» (1932; опубликовано в 1987 г.) Тарковский зашифровывает годом своего рождения свое отношение к событиям 1917 г., которые он осмысляет через пустыню и песок как метафоры массового социального катаклизма, стихии, засыпавшей собой культуру. Текст строится на антитезе гибельной жары (Сиена²) и тайной реки, которая выступает живительным источником культуры:

¹ О духовной близости и взаимной привязанности Тарковского и Ахматовой свидетельствуют современники. С. Митина вспоминает, что 26 июня 1977 г. Тарковский помнил о дне рождения Ахматовой (их даты рождения были рядом): «Тут же стал читать стихи Ахматовой. Сказал, что с годами ценит ее поэзию все больше и очень любит ее как человека» [«Я жил и пел когда-то...», с. 299–300]. П. Норман, который часто общался с Ахматовой в 1965 г. во время ее пребывания в Англии, в ответ на его вопрос, кого она считает большим поэтом в современной России, ответила: «Арсения Тарковского. Вот это настоящий поэт!» [Там же, с. 68]. О взаимоотношениях Тарковского и Ахматовой см. также: [Резниченко].

² Сиена (Асуан) — египетский город, одно из самых сухих и жарких мест на планете.

Мне было десять лет, когда песок
Пришел в мой город на краю вселенной
И вечной тягой мне на веки лег,
Как солнце над сожженной Сиеной.

Река скрывалась в городе степном,
Поближе к чашке старика слепого,
К зрачку, запорошенному песком,
И пятиротой дудке тростниковой.

[Тарковский, 1991, т. 2, с. 35]

Отсылая к любимому им Мандельштаму, свое призвание 25-летний поэт видит в стоическом противостоянии «песку истории» (забвение) и в стремлении сохранить культурную память, связывающую историю в единое целое:

Вот я смотрю из памяти моей,
И пальцем я приподнимаю веко:
Есть память — охранительница дней
И память — предводительница века.

Во все пять ртов поет его дуда,
Я горло вытяну, а ей отвечу!³
И не песок пришел к нам в те года,
А вышел я песку навстречу.

[Там же, с. 35–36]

Тема отчужденности поэта от новой реальности имплицитно присутствует в двух «автопортретных» стихотворениях-притчах. В стихотворении «Страус в 1913 году» (1945) южная экзотическая птица, находящаяся в чужом для себя и искусственном мертвом пространстве («холодная коробка магазина», «посреди пустого помещенья»), превращается в угоду публике в объект развлечения, и эта объективация птицы-души ведет к ее медленному умиранию («чучело») накануне грядущих катастроф (Первая мировая война, 1917, Гражданская война):

И научился он небытию
И ни на что не обращал вниманья —
Толкнет его хозяин или нет,
Засыплет корму или не засыплет,
И если б даже захотел, не мог
Из этого оцепененья выйти.

[Тарковский, 1991, т. 1, с. 40]

³ Ср. о стремлении связать поэзией разбитые «позвонки» двух столетий в стихотворении Мандельштама «Век» (1922): «Чтобы вырвать век из плена, / Чтобы новый мир начать, / Узловатых дней колена / Нужно флейтою связать» [Мандельштам, т. 1, с. 128].

Как и в стихотворении «Мне было десять лет, когда песок», здесь присутствует мотив закрытых глаз («И вечной тягой мне на веки лег») — смертной отчужденности («Нахохлившись, на сонные глаза / Надвинул фиолетовые веки»).

Тема культурной пустыни скрыто присутствует в стихотворении «Верблюды» (1947), в котором пески пустынь, ржавая колючка, замок в ноздрях, погромек на шее, зной, тяжелый труд и побои выражают все тяготы социальной жизни XX в.:

<...>

В подшерсток втирали песок
И ржавой колючкой кормили.

<...>

И в ноздри вложили замок,
А в душу — печаль и величье,
И верно, с тех пор погромек
На шее болтается птичьей.

По Черным и Красным пескам,
По дикому зною бродяжил,
К чужим пристрастился тюкам,
Копейки под старость не нажил.

Привыкла верблюжья душа
К пустыне, тюкам и побоям.

<...>

[Тарковский, 1991, т. 1, с. 169–170]

Социальный подтекст проступает за географическими реалиями «Черных и Красных песков»⁴: красный — цвет большевизма; черный — народовольчества («Черный передел»), черносотенства, национализма, фашизма («чернорубашечники»). Для Тарковского стала большой личной трагедией гибель в гражданскую войну брата Валерия, убитого в 1919 г. отрядом атамана Н. Григорьева (националиста, сотрудничавшего с большевиками).

В стихотворении утверждается царственное достоинство личности («величье»), христианское смирение («престол нищеты и терпенья») и ценность жизни, несмотря на все, что пришлось поэту претерпеть:

А все-таки жизнь хороша,
И мы в ней чего-нибудь стоим.

[Там же, с. 170]

И. Сурат выявила в этом стихотворении скрытые мандельштамовско-цветаевские подтексты, сопоставляя его со стихотворением Тарковского «Поэт»

⁴ «Черные пески» (Каракумы) и «Красные пески» (Кызылкум) — песчаные пустыни в Туркмении и в Узбекистане соответственно.

(1963), посвященным запретному и не названному в нем Мандельштаму⁵, и с цветаевским «Верблюдом» (1917). Исследовательница отмечает, что это собирательное «мы» в последней строке не может относиться ко всему человечеству, поскольку царственность и величие присущи только поэтам: «В этом мы — память о Цветаевой, о ее стихах и судьбе, но и мандельштамовское “нищее величие”» [Сурат]. Таким образом Тарковский здесь восстанавливает связь с прерванной традицией русского модернизма в лице названных поэтов.

В стихотворении «Я по каменной книге учу вневременный язык» (1966) пустыня раскрывается в библейском измерении:

Я по каменной книге учу вневременный язык,
Меж двумя жерновами плыву, как зерно в камневерти,
И уже я по горло в двухмерную плоскость проник,
Мне хребет размолото на мельнице жизни и смерти.

[Тарковский, 1991, т. 1, с. 287]

Как отмечает С. В. Кекова, образ каменной книги — это каменные Скрижали Завета и Священное Писание в целом, и образ каменных жерновов, которые размалывают зерно человеческого тела: «Жернова — это страницы Великой Книги, и в такую страницу “проникает”, превращается в нее, пройдя через немислимые страдания, герой стихотворения» [Кекова, с. 33]. Образ мельницы отсылает к популярному в Средневековье сюжету «мистической мельницы», в которую пророк Исаяя (символ Ветхого Завета) насыпает зерно, а апостол Павел (Новый Завет) принимает готовую муку в мешок. Этот сюжет изображен на капители Базилики св. Марии Магдалины (Везле, Франция, 2-я пол. XII в.) [Mysticmill]. На картине немецкого анонимного мастера «Die Hostienmühle» («Мельница причастия») (Ульмская школа, ок. 1470 г., Музей Ульма, Германия) четыре евангелиста вместе с Богородицей сыплют зерно в мельницу, из которой облатки для причастия падают в чашу с младенцем Христом. Чашу держат в руках четыре великих отца западной Церкви (Амвросий, Иероним, Августин и Григорий Великий) [Die Hostienmuehle]. Мука Нового Завета однозначно отсылает к Христу, именующему Себя «хлебом жизни» (Ин. 6:35).

Метафора муки также присутствует в словах священномученика древней Церкви Игнатия Богоносца (†107), ученика Иоанна Богослова, который в Риме был брошен львам: «Я пшеница Божия: пусть измельют меня зубы зверей, чтоб они сделались гробом моим и ничего не оставили от моего тела, дабы по смерти не быть мне кому-нибудь в тягость. Тогда я буду поистине учеником Христа, когда даже тела моего мир не будет видеть. Молитесь о мне Христу, чтобы я посредством этих орудий сделался жертвой Богу» [Игнатий Богоносец]. Но жернова у Тарковского имеют не только философский, мистический, но и социальный акцент, поскольку именно через этот образ пророк Исаяя

⁵ «Говорили, что в обличье / У поэта нечто птичье / И египетское есть; / Было нищее величие / И задерганная честь» [Тарковский, 1991, т. 1, с. 198].

обвиняет сильных и богатых правителей Иудеи в притеснении бедных: «Что с вами, что вы притесняете Мой народ и бедняков вы раздавливаете между жерновами? (Ис. 3:14–15)» [Клаузнер, стб. 306].

Во второй строфе возникает образ пророка, проповедующего народу в пустыне:

Что мне делать, о посох Исайи, с твоей прямизной?
Тоньше волоса пленка без времени, верха и низа.
А в пустыне народ на камнях собирался, и в зной
Кожу мне холодила рогожная царская риза.

[Тарковский, 1991, т. 1, с. 287]

Прямизна посоха отсылает к пророчеству Исайи об Иоанне Предтече, призывающем в пустыне народ к «прямым» путям, т. е. к покаянию: «Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему; всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся и неровные пути сделаются гладкими» (Ис. 40:3–4; Мф. 3:1–4). Центром проповеди в «Книге пророка Исайи» является примат этических требований (справедливость и правосудие) над внешними формами культа (жертвоприношения, религиозные празднества и т. п.): «Умойтесь, очиститесь, удалите ваши злые деяния от глаз Моих, перестаньте творить зло, учитесь делать добро, ищите справедливости, поддержите притесненного, оказывайте правосудие сироте, заступайтесь за вдову» (Ис. 1:16–17); «Устами и губами почитают они Меня, а сердцем они далеки от Меня; их благоговение предо Мною стало заученной заповедью людской» (Ис. 29:13); «Тот, кто шествует по пути справедливости и прямодушно говорит правду, кто гнушается прибылью от грабежа, кто отстраняет свои руки, чтобы не поддерживать [неправого] за взятки, и кто затыкает свои уши, чтобы не слышать о кровавых делах, и закрывает свои глаза, чтобы не видеть зла» (Ис. 33:14–15) [Клаузнер, стб. 305]. По преданию, за обличение царя Манассии и вельмож Исайя был распилен по приказу царя пилой.

Рогожная риза (вретище, власяница⁶) — одежда пророков, имеющая также покаянную семантику; она надевалась в знак скорби и глубокого покаяния: «во вретище и пепле покаялись» (Мф. 11:21; Лк. 10:13; От. 11:3). Иоанн Предтеча также носил вретище — «одежду из верблюжьего волоса» (Мф. 3:4).

Тарковский говорит о пророке от первого лица («мне»), поскольку поэт не только видит себя пророком в традиции Пушкина и Лермонтова, но и потому, что, согласно апостолу Петру, каждый человек призван быть «священством святым»: «вы — род избранный, царственное священство, народ святой» (1Пет. 2:5; 9).

Таким образом, в этом стихотворении Тарковский ориентируется на библейскую, первохристианскую традицию — поэт предстает пророком, мессией, духовным предводителем народа (Исайя, Иоанн Креститель, Христос), но при

⁶ Одежда из грубой ткани (холста или рогожи), козьего или верблюжьего волоса.

этом акцентирует в этой традиции не мистику и обряд, а социальную этику, характерную для русской интеллигенции XIX в. с ее моральной бескомпромиссностью («прямые» пути).

Важным контекстом для понимания катакомбного дискурса Тарковского и его образа поэта выступает рефлексия о народе и интеллигенции в «Записках об Анне Ахматовой» (1938–1966) Л. Чуковской. В декабре 1962 г. Ахматова и Чуковская полемизируют с народническим отрицанием интеллигенции в советской литературе: «Твардовскому мужика подавай, а “Софья Петровна” горожанка, полуинтеллигентка. Ему это не интересно. Его интересует деревня. — “Реквием” тоже не деревня, — сказала Анна Андреевна» [Чуковская, 1997, т. 2, с. 574]. В марте 1964 г. Ахматова не может согласиться с «антиинтеллигентскими нотами» в «Одном дне Ивана Денисовича»: «Счастлива, что дожила до Солженицына. Однако наша интеллигенция приняла не меньше страданий, чем наш народ. Сам-то он, Солженицын, кто? — народ или интеллигенция? Кто читает и почитает его: народ или интеллигенция? Разделение мнимое и никчемное. В особенности после ежовщины и войны. Наша интеллигенция кроваво обвенчалась с народом» [Чуковская, 1997, т. 3, с. 187–188]. Как отметила И. Паперно, в самих «Записках» Чуковской как знаковым тексте советского андеграунда дается не только портрет Ахматовой, но выражаются ключевые ценности русской интеллигенции: «отчуждение от государственной власти, неуважение к установленным жизненным нормам, валоризация бедности, самоотвержения и страдания, уважение к слову, вера в литературу как источник морального авторитета, а также всепоглощающее чувство исторической значимости собственной жизни. В советском обществе, в ситуациях, когда государство стремилось кооптировать интеллигенцию, принадлежность к этой группе означала и сложные отношения с властью — двойную поруку отчуждения и привилегии» [Паперно, с. 33–34].

Для Ахматовой и Чуковской как автора книги об А. Герцене [Чуковская, 1966] принципиально значимы *этические ценности* русской интеллигенции, особенно линия Герцена, которого они неоднократно обсуждали в 1939, 1957 и 1962 гг.⁷ Не случайно Б. Пастернак в 1954 г. назвал Чуковскую «представительницей декабристов и Герцена в нашем веке» [Чуковская, 1997, т. 2, с. 82]. Для нее неприемлем *этический релятивизм* («цель оправдывает средства»). Цель, для которой нужны «гнусные средства» — цель дурная, придуманная, не органическая; своевременная же цель естественно вытекает из предыдущего, понятна людям и может быть осуществлена без «гнусных средств»: «Она осуществляется с помощью труда *слова, проповеди* и — если она своевременна — очень малым

⁷ «Герцен — великий писатель, великий художник. Анна Андреевна горячо соглашается. — Конечно, он гораздо крупнее, чем Тургенев, например»; «Вы не помните, между прочим, где он называл Николая — Дадонем? Мне для работы надо» [Чуковская, 1997, т. 1, с. 22, 27]; «В 37 году был людям великий экзамен. Помните, что писал ваш Герцен: не только не нашли слова защиты, “но даже не нашли молчания” при кровавых расправах. Слово защиты было невозможно, а промолчать-то ведь можно было!»; см. также большую запись от 29 декабря 1962 г., когда Чуковская читает Ахматовой фрагменты статей Герцена [Чуковская, 1997, т. 2, с. 264, 574–580].

количеством выстрелов. Если для осуществления цели надо применять дурные средства — следует задуматься, верно ли выбрана цель» (Дневник от 11–14 марта 1967 г.) [Чуковская, 2015]. Долг интеллигенции — в личном пророческом служении, цель которого — показать народу «путь труда, самоотверженья; *долгий* путь труда — над собой и другими» [Там же]. Несмотря на то, что в реальной истории правда и справедливость не торжествуют, «надо не быть Пилатом и говорить правду зная, что победа будет за неправдой, что справедливость *не* восторжествует, что Христа снова распнут... Все равно, твое дело маленькое: безо всякого смысла и толку говорить правду. Не мочь иначе» (Дневник от 4 сентября 1968 г.) [Там же]. Миссию интеллигенции Чуковская видит в созидании культуры, в уничтожении пропасти между народом и интеллигенцией, при этом не опускаясь до уровня народа, а поднимая его: «она обязана учить, причем учить не элементарным путем и не элементарным целям. Вернее всего об этом сказал Чехов: *Не Гоголя опускать до народа, а народ поднимать до Гоголя*» [Там же]. Настоящую интеллигентность Чуковская понимает как «сплав» искусства и этики. Отказ культуры от искусства и этики порождает «цивилизацию, т. е. нечто страшное, “Чингис-Хан с телеграфами”⁸» [Там же].

О интеллигенции и народе в этом ключе размышляла и Л. Гинзбург в эссе «Поколение на повороте» (1979), отмечая, что в 1930-е гг. в литературе завершилось народническое отрицание интеллигенции⁹. Если в XIX в. народ воспринимался как носитель народной и религиозной культуры, «эманация таинственной Почвы», то в 1930-е гг. была предложена «модель не загадочного мужика, а малограмотного городского человека с его представлениями о жизни»: «Самоотвержение народников обращено было к слабым, притесненным, а тут, наоборот, отрицали себя во имя хозяев жизни, — другие времена» [Гинзбург, с. 288–289]. Эта жертву интеллигенции своими духовными преимуществами (язык, разум, дух) Гинзбург наблюдает, в частности, в рассказах М. Зощенко: присутствующая у него в 1920-е гг. дистанция насмешки автора над рассказчиком («духовным недорослем») исчезает со второй половины 1930-х гг., в результате чего язык последнего становится эталоном мировосприятия [Там же, с. 288].

Как показывает наш анализ, поэтический язык Тарковского противостоял подобному народническому упрощению, сохраняя всю модернистскую сложность своей поэтики: причастность мировой культуре (мандельштамовская «тоска по мировой культуре»), интертекстуальность, неомифологизм,

⁸ «Чингисхан с телеграфом» — образ Герцена из его «Письма к императору Александру II (По поводу книги барона Корфа)» (Колокол. 1857. 1 окт.): «Если б у нас весь прогресс совершался только в правительстве, мы дали бы миру еще небывалый пример самовластья, вооруженного всем, что выработала свобода. Это было бы нечто вроде Чингисхана с телеграфами, пароходами, железными дорогами и с Конгревовыми ракетами под начальством Батяга» [Герцен, т. 13, с. 38].

⁹ Это отношение к интеллигенции, унаследованное от Ленина, зафиксировал и М. Пришвин в своем Дневнике 1930-х гг.: «Вчера Сталин... сказал, что... интеллигенция не класс и во все времена была только “прослойкой”...» [Пришвин, с. 370]. Но именно в интеллигенции для Пришвина и заключается «творческое “я”», «личность творческая, создающая из бесполезного высшие ценности» (25 ноября 1936 г.) [Там же, с. 371].

ассоциативность («пучок смыслов»). Используя известную формулу А. Синявского, можно сказать, что у Тарковского с советской властью были прежде всего «стилистические расхождения», языковой антагонизм. Тарковский понимал, что официальная литература чувствовала его чужим именно на уровне языка: «все печаталось конвейерно, нужна была штампованная усредненность, никакой языковой индивидуальности, никакой ахматовской "старомодности". <...> Что-что, а нюх у них, Инна, даже не собачий — волчий нюх. Отвергли, словарь не тот, чересчур изысканно, мастеровито. Не задумшевно» [Лиснянская].

Таким образом, важнейшей творческой миссией для Тарковского в катакомбной ситуации XX в. («внутренняя эмиграция») стало восстановление прерванной культурной традиции русского модернизма. Для него таким связующим звеном с этой традицией была Ахматова как образец творческого и этического поведения художника. Не принимая характерное для советского времени народническое отрицание интеллигенции, Тарковский становится «вестником» этических ценностей русской интеллигенции XIX и начала XX в. В ситуации новой советской реальности Тарковский создает катакомбный (тайный) поэтический дискурс (многослойное кодирование), который актуализирует культурную память, имплицитно связывая текст с предшествующей традицией. В своей модели поэта Тарковский ориентируется на библейскую, первохристианскую парадигму (поэт как пророк, мессия, духовный предводитель народа — Исая, Иоанн Креститель, Христос), при этом акцентируя не мистику и обряд, а социальную этику, характерную для русской интеллигенции XIX в. с ее моральной бескомпромиссностью. Поэтический язык Тарковского противостоит народническому упрощению сложностью своей модернистской поэтики.

Источники

Герцен А. И. Собрание сочинений : в 30 т. / [гл. ред. В. П. Волгин]. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958.

Игнатий Богоносец, епископ Антиохийский. Послание к римлянам // Ранние Отцы Церкви. Антология. Брюссель : Жизнь с Богом, 1998. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ignatij_Antiohijskij/poslanie-k-rimljanam/ (дата обращения: 20.01.2022).

Лиснянская И. Отдельный // Знамя. 2005. № 1. С. 112. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=2558> (дата обращения: 20.01.2022).

Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем : в 3 т. М. : Прогресс-Плеяда, 2009.

Миллер Л. Стих, побеждающий трагедию : [беседа с Л. Миллер / записала И. Чайковская] // Чайка. 2008. № 23 (130). URL: <https://www.chayka.org/node/2104> (дата обращения: 20.01.2022).

Пришвин М. М. Дневники, 1936–1937. СПб. : Росток, 2010.

Тарковский А. Собрание сочинений : в 3 т. / сост. Т. Озерской-Тарковской ; вступ. ст. К. Ковальджи ; примеч. А. Лаврина. М. : Худож. лит., 1991. Т. 1.

Тарковский А. Собрание сочинений : в 3 т. / сост. Т. Озерской-Тарковской ; примеч. А. Лаврина. М. : Худож. лит., 1991. Т. 2.

Тарковский А. Проза. Письма / вступ. ст. Н. А. Резниченко ; сост., подгот. текстов и коммент. М. А. Тарковской и В. А. Амирханяна ; отв. ред. Д. П. Бак. М. : Литературный музей, 2021.

Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Т. 1. М. : Согласие, 1997.

Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Т. 2. М. : Согласие, 1997.

Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Т. 3. М. : Согласие, 1997.

Чуковская Л. Дневник — большое подспорье... М. : Время, 2015. URL: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/564111-45-lidiya-chukovskaya-dnevnik-bolshoe-podspore.html> (дата обращения: 20.01.2022).

«Я жил и пел когда-то...» : воспоминания о поэте Арсении Тарковском / сост. М. Тарковская. Томск : Водолей, 1999.

Die Hostienmuehle // Wikimedia. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Meister_des_Hostienmuehlenretabels_Die_Hostienmuehle_Ulm_um_1470_Mischtechnik_auf_Holz_Ulmer_Museum-1.jpg (date of access: 20.01.2022).

Mysticmill // Wikimedia. URL: <https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Mysticmill.jpg> (date of access: 20.01.2022).

Исследования

Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб. : Искусство-СПБ, 2002.

Кекова С. В. Метаморфозы христианского кода в поэзии Н. Заболоцкого и А. Тарковского : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. Саратов, 2009.

Клаузер И. Исая // Еврейская энциклопедия : Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. СПб. : О-во для науч. евр. изд. Брокгауз-Ефрон, [1911]. Т. 8. Стб. 301–320.

Паперно И. Лидия Чуковская. «Записки об Анне Ахматовой» // Паперно И. Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах. М. : НЛО, 2021. URL: <https://www.chukfamily.ru/lidia/biblio/articles-biblio/irina-paperno-lidiya-chukovskaya-zapiski-ob-anne-akhmatovoj> (дата обращения: 20.01.2022).

Резниченко Н. «Моя жизнь прошла под Вашей звездой...». Арсений Тарковский и Анна Ахматова // Знамя. 2017. № 10. С. 169–187. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=6732> (дата обращения: 20.01.2022).

Сурат И. О поэтах и верблюдах : Осип Мандельштам в глазах Арсения Тарковского // Октябрь. 2016. № 3. С. 163–174. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2016/3/o-poetah-i-verblyudah-osip-mandelshtam-v-glazah-arseniya-tarkovskogo.html> (дата обращения: 20.01.2022).

Чуковская Л. К. «Былое и думы» Герцена. М. : Гослитиздат, 1966.

References

Chukovskaya, L. K. (1966). “Byloe i dumy” Gertsena [*The Past and Thoughts* by Herzen]. Moscow: Goslitizdat.

Ginzburg, L. Ya. (2002). *Zapisnye knizhki. Vospominaniia. Esse* [Notebooks. Memories. Essays]. St Petersburg: Iskusstvo-SPB.

Kekova, S. V. (2009). *Metamorfozy khristianskogo koda v poezii N. Zabolotskogo i A. Tarkovskogo* [Metamorphoses of the Christian Code in the Poetry of N. Zabolotsky and A. Tarkovsky] (habilitation dissertation abstract). Saratov.

Klauzner, I. (1911). Isaiia [Isaiah]. In *Evreiskaia entsiklopediia: Svod znaniy o evreistve i ego kul'ture v proshlom i nastoiashchem* [Jewish Encyclopedia: A Collection of Knowledge about the Jews and their Culture in the Past and Present] (Vol. 8). St Petersburg: O-vo dlia nauch. evr. izd. Brokgauz-Efron.

Paperno, I. (2021). Lidiia Chukovskaia. “Zapiski ob Anne Akhmatovoi” [Lydia Chukovskaya. “Notes about Anna Akhmatova”]. In I. Paperno, *Sovetskaia epokha v memuarakh, dnevnikakh, snakh* [The Soviet Era in Memoirs, Diaries, Dreams]. Moscow: NLO. Retrieved from <https://www.chukfamily.ru/lidia/biblio/articles-biblio/irina-paperno-lidiya-chukovskaya-zapiski-ob-anne-akhmatovoj>

Reznichenko, N. (2017). “Moia zhizn' proshla pod Vashei zvezdoi...”. Arsenii Tarkovskii i Anna Akhmatova [“My Life has Passed under Your Star...”. Arseny Tarkovsky and Anna Akhmatova]. *Znamia*, 10, 169–187. Retrieved from <https://znamlit.ru/publication.php?id=6732>

Surat, I. (2016). O poetakh i verbliudakh: Osip Mandel'shtam v glazakh Arseniia Tarkovskogo [About Poets and Camels: Osip Mandelstam in the Eyes of Arseny Tarkovsky]. *Oktiabr'*, 3, 163–174. Retrieved from <https://magazines.gorky.media/october/2016/3/o-poetah-i-verblyudah-osip-mandelstam-v-glazah-arseniya-tarkovskogo.html>

Медведев Александр Александрович

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой русской
и зарубежной литературы
Тюменский государственный университет
625003, Тюмень, ул. Республики, 9
E-mail: amedv1@yandex.ru

Medvedev, Aleksandr Aleksandrovich

PhD (Philology), Associate Professor,
Head of the Department of Russian
and Foreign Literature
Tyumen State University
9, Respublika Str., 625003 Tyumen, Russia
Email: amedv1@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7450-5373>
Scopus AuthorID: 56799963400
WoS ResearcherID: AAF-8347-2019